

ТОСКУЮЩИЙ ПО РОДИНЕ САРЫАТАН

Повесть

...Необъятная раздольная степь. На самом краю ее – широкий перевал. У подножия перевала – то ли озеро полноводное, то ли мираж. Круглой чашей висит в зените солнце. Между землей и небом колышется знойный воздух. Об острые камни подошвы рассекая, горячими слезами глаза омывая, горячим ветром лоб опаливая, с пересохшим от жажды горлом несется Сарыатан¹. Нескончаема эта бескрайняя степь, недостижим этот широкий перевал. Там, за перевалом, раскинулась страна его детства. Издавая протяжный рев, предаваясь неизбывной сердечной тоске, бежит Сарыатан в поисках страны своего детства...

* * *

– Ага-а²! Беда!.. Правда, правда, беда! Куренкаска³ сломал седло...

Запыхавшийся Кожык вбежал в дом и присел на пятки прямо у порога, будто собирался совершить намаз. В углу приземистого бревенчатого домика Есберген складывал пожитки в переметные сумы. Подняв голову, он замер.

– Что-о?! Как сломал? Куренкаска или Каражал⁴?

– Куренкаска, ага... Мой конь... Я стреножил их обоих и оставил в ущелье, чтобы попаслись перед дорогой... А Куренкаска начал валяться... – не докончив, Кожык заплакал навзрыд.

Чисто выбритая голова его опустилась так низко, что при каждом всхлипе подбородок ударялся о грудь.

– Подними голову! Если что и могло сломаться, так это лука седла. Голова-то твоя цела. Ты чего так расквасился?!

Есберген отодвинул в сторону пестрый коржун и выпрямился, расправляя широкую грудь, окинул Кожыка тяжелым взглядом ястребиных глаз.

– Не лука седла, ага, а обе боковины... Когда конь катался, они разорвались... Что мне теперь делать? На чем я поеду, а?.. Ты меня бросишь, да? Я один останусь

¹ Сарыатан – старый крупный холощенный верблюд.

² Ага – почтительное обращение к старшему брату, дяде.

³ Куренкаска – темно-гнедой со звездочкой во лбу.

⁴ Каражал – черногривый конь.

здесь, что ли? Нет-нет! Я ни за что тут не останусь! Пусть я без седла поеду, но от тебя не отстану!.. – теперь бритая голова Кожыка, вздрагивающего от рыданий, опустилась чуть ли не до колен.

– Эй, что я тебе говорю! Ну-ка подыми голову!

– Подыму, ага, подыму... Но ты ведь не бросишь меня, да? Скажи, что не бросишь... Только скажи так, ага!

Кожык протер глаза замусоленным рукавом поношенной рубахи и на коленях подполз к Есбергену.

– У, размазня! Надо же, разревелся так, будто отца потерял! И это прямо перед дальней дорогой. Как же я могу оставить тебя здесь, в безлюдных горах, да еще воющего собакой?! Ты и вправду поверил моим вчерашним словам? У, недотепа! В этом ты весь! Верно говорится: сколько волчонка ни корми, он чужим остается. Иначе как ты мог усомниться во мне? Скажи сам, во сколько лет я тебя нашел?

– Когда мне было десять...

– Ты помнишь, где и как я тебя нашел?

– Помню, ага. Я тогда пас свиней Метрея⁵. Однажды ты приехал откуда-то верхом на коне и долго разговаривал с хозяином. Потом передал ему какую-то маленькую вещицу, обернутую в тряпочку, и в тот же день привез меня в этот дом.

– Сколько лет с тех пор прошло?

– Наверно, лет пятнадцать...

– Правильно, пятнадцать лет. В таком случае, как ты мог подумать, что человек, который пятнадцать лет заботился о тебе, в один день бросит тебя на произвол судьбы?! Вот размазня! Иди, приведи лошадей и готовь их к дороге. Отныне нас с тобой никто не разлучит, разве что Бог.

– Охо-хо-о! Охо-хо-о! – с этими возгласами воодушевленный Кожык вскочил с места и неуклюже выбежал наружу.

Вслед за ним вышел и Есберген с переметными сумами. Солнце уже довольно высоко поднялось над головой. Белесое марево, еще недавно окутывавшее горную теснину, успело рассеяться, и все ущелья и ложбины вокруг наполнились сиянием наступившего дня. Небо над ним было чистое и ясное, прозрачное и переливающееся, как вымытая стеклянная чаша, как слеза.

Прямо перед хибарой проходит множество разветвляющихся дорог. Самая длинная и четкая колея бежит до далекого перевала у горы Кокентау, что видна и отсюда. По обе стороны от перевала – два пика. Торчат, как два верблюжьих горба. Кажется, что вершины дремлют безучастно, точно устали от ночного дозора.

Перед отъездом Есберген еще раз проверил все, что может понадобиться в пути, и тщательно обошел лачугу, заглянув в каждый уголок тесной комнатенки, чтобы больше не возвращаться сюда. Однако что-то не давало покоя. Он знал наверняка, что ничего не забыл, ничего не оставил, но какая-то неведомая сила заставляла то и дело осматриваться вокруг. Вроде бы ни внутри, ни снаружи ничто не привлекает внимания. Четыре стены, покрытые сверху дерном. Халупа с плоской крышей об одно окно и одну дверь... Неизвестно, с каких пор стоит она здесь, в диком захолустье у подножья безлюдных гор. Видимо, в свое время это был зимний охотничий домик. Кому бы он ни принадлежал прежде, а для них стал теплым пристанищем на долгие двадцать лет. Все радости супружеской жизни,

⁵ Метрей – искаженное имя Дмитрий.

счастье отцовства с единственным чадом Есберген познал тут, под крышей этой лачуги. Безоблачные дни, когда довольствуешься простой водой, и беспечные ночи, когда насыщаешься одними уладами тела, тоже прошли в этом домике. «Подобен ханскому дворцу мой добрый дом, наполнен счастьем», – думал тогда. А теперь понимал, что все это было благодаря Газизе. С ее уходом из домика ушло все: и благополучие, и счастье, и радость...

Есберген отвернулся от жилища и опустился на высохший кряж, валявшийся во дворе. Потом вытащил из кармана кожаного жилета табакерку из черного рога и смачно отправил в ноздри массивного носа зеленый насвай. Кожык неподалеку готовил в дорогу его Каражала. Движения парня были спокойными. Кажется, он наконец уверился в том, что Есберген его не бросит. «Эх, несчастный, а ведь ты – потомок знатного рода...» Что тут поделаешь, таково чахлое наследие выродившегося племени. Посмотришь, все вроде при нем: словно выкованное из железа крепкое тело, сила и мощь, и приятность какая-то в облике есть. Но вот ведет порой себя так приниженно и беспомощно, хуже бесприютного странника! Подумаешь, бывало, может, бог умом обидел, но нет ведь, иногда возьмет и обрадует разумными человеческими речами. Э, подумаешь тогда, правду говорят, что от айгыра⁶ с белой отметиной во лбу в худшем случае родится приплод с белой звездочкой. Но тут он вдруг заговорит опять как блаженный и все испортит. Взять, к примеру, слова Есбергена, что он обронил вчера в сердцах. Ну разве может двадцатипятилетний джигит воспринять такое всерьез?!

С тех пор как не стало Газизы, они по вечерам не заходили в домик до наступления темноты. Вот и вчера допоздна просидели во дворе у вырытого в земле очага: в казане с бульканьем варилось полтуши косули – мясо, чтобы взять в дорогу. Из верхней теснины, густо поросшей сосняком, тянуло прохладой. Снизу доносился гул реки Кокенбулак, которая, прыгая по камням, несла свои воды среди берез и тальника по самому дну ущелья. Гул водного потока оживлял в душе воспоминания...

Есберген впервые пришел в это тесное ущелье, к этому горному потоку еще юношей, а теперь, когда седина инеем тронула виски, собирался навсегда покинуть обжитые места. Целых двадцать четыре года он жил здесь, добывая пропитание, наслаждаясь жизнью, но когда в прошлом году судьба отняла у него единственного сына, Есберген в одночасье охладел к этому краю. Говорят: «Беда не приходит одна». Неожиданно к Газизе – дорогой жене, разделившей с ним полжизни, – прицепилась неизлечимая болезнь. И Газиза, и он сам знали наперед, что это не болезнь, а сама смерть, заявившая о своем приходе. И оба ясно почувствовали, что отныне нет в этих местах, заменивших им родину, ни радости, ни смысла. Они не делились друг с другом своими предчувствиями, лишь незадолго до кончины Газиза намекнула об этом мужу.

Впервые это произошло в середине весны нынешнего года, когда снег только начал таять по ложбинам и оврагам.

Однажды утром перед единственным окошком домика опустился чиж и давай разливать трелями.

Лежавший на боку возле низкого круглого столика и попивающий чай Есберген сказал с чувством:

– А ведь сейчас на берегах Бухтармы черемуха, наверное, вся в цвету!

⁶ Айгыр – жеребец.

Обычно не придававшая таким словам значения Газиза в этот раз недовольно поморщилась:

– Как я устала от твоих разговоров про черемуху! – и тут же, отвернувшись от стола и подергивая плечами, изрыгнула из себя весь выпитый чай без остатка.

– Апа, что с вами? Заболели? – с этими словами Кожык вскочил и бросился за деревянным тазом.

Он в первый раз увидел, как Газиза срыгивает всё съеденное. Но Есберген еще с зимы заметил за ней такое. «Видать, у бедняжки уже не осталось сил скрывать недуг», – горестно заключил он и, молча поднявшись с места, вышел наружу, сел на оседланного коня и отправился, как обычно, на охоту.

Вечером, приблизившись к дому, Есберген растерянно остановился. Перед лачугой издавна стояло дерево с тремя развилинами – коновязь, белевшая изда-дека и словно зазывающая путника. Но теперь дерево была повалено. Коновязь, к которой Есберген привязывал своего коня, которую за многие годы не сломили бури и ненастья... Что за несчастье обрушилось на нее?

– Кожык! – заорал Есберген, не сходя с лошади. – Кто повалил это дерево?!

– Я! – ответил выбежавший из домика Кожык.

– Почему повалил?!

– Газиза-апа попросила.

– Зачем?

– Не знаю.

Услышав, что это исходило от Газизы, Есберген ничего больше не сказал, чтобы не огорчать больную жену. В прежние времена разговор был бы другим, но теперь он только хмыкнул: «Интересно...» – и отправил Кожыка за лопатой, чтобы восстановить поваленную коновязь.

В другой раз... Ровно за неделю до кончины Газизы он снова припозднился с охоты. Вернулся без добычи, с пустыми тороками. Они втроем безмолвно сидели при сумеречном свете фитильной лампы и пили чай. К этому времени Газиза разве что создавала видимость, что участвует в трапезе, на самом деле она была уже очень слаба, и каждый глоток чая ей давался с превеликим трудом.

– Почему ты так поздно? – спросила она едва слышно.

– Осматривал капканы в расщелине рядом с кладбищем, – ответил он обыденно.

Газиза вздохнула. А взгляд ее говорил: «Капканы ты смотрел или сидел снова возле могилы сына?» Она хорошо знала, что мужу еда поперек горла станет, если он два раза на дню не побывает на могиле сына, находя для этого разные причины.

– И на перевал, поди, поднимался?

– Поднимался.

– Горы Когильдир⁷ видно? Или тучами заволокло?

– Сегодня очень хорошо были видны, – сказал Есберген, оживляясь. – Тянутся пик за пиком, родимые.

– Если отсюда человек выйдет рано утром, до вечера доберется до них? – продолжала спрашивать Газиза.

– Ну почему бы не добраться. Если выехать на ходкой крепкой лошади, то вечером можно как раз оказаться у самого их подножья.

⁷ Когильдир – голубые, здесь: название горного массива.

– Надо же... выходит, не очень-то это далеко, – произнесла Газиза бодрым голосом вполне здорового человека. Потом взяла свою пиалу и с удовольствием попила горячего чаю.

И Есберген, и Кожык обрадовались этому.

– Ох, байбише⁸! Так говоришь, будто никогда тех гор Когильдир не видала, – проговорил Есберген, рассмеявшись отрывистым смехом. – Забыла, как мы с тобой когда-то за одну ночь доехали оттуда в этот край?

– Что видит человек ночью? Помню, когда мы с той стороны достигли гор, позади нас садилось ярко-красное солнце... А после этого была одна темнота. Кстати, сегодня ночью видела во сне Мойылдысай⁹. Ну, тот самый Мойылдысай, что на берегу Бухтармы, про который ты все время говоришь... Будто бы по дну ущелья с грохотом течет река. А ты, не слезая с лошади, срываешь спелую черную черемуху и ешь. Я попросила тебя: «Сорви и мне кисть», но тут проснулась, – сказала Газиза и стала снова наливать себе чай из высокого чайника с длинным носиком, будто и впрямь собираясь вдоволь напиться чаю.

– Разве пустой чай – еда? На, поешь, – Есберген протянул ей мягкий, хорошо проваренный кусок мяса.

Газиза и его с аппетитом поела. «О, боже! О, боже!» – молился про себя Есберген. Тогда ему почудилось, что жена завтра же окончательно избавится от хворей и весело поскачет, как лошадь без седла. Но оказалось, что все это сиюминутная радость, мимолетное утешение. Стоило Газизе коснуться головой подушки, как только что бодрая, с прояснившимся лицом женщина начала сотрясаться от мучительных приступов рвоты... И в этот раз всё было намного страшнее, словно вместе с пищей из нее вываливались все внутренности.

Наутро Есберген увидел в деревянном корыте кровавые сгустки...

Тем же вечером, возвращаясь с охоты, он увидел, что коновязь снова повалена. Есберген не стал спрашивать, кто да почему это сделал. Ему и без слов был ясен намек Газизы. Отныне в этом доме отпала необходимость в человеке, который бы ухаживал за ней, и в коновязи, к которой бы он привязывал своего коня...

Прошлой ночью, когда они с Кожыком сидели возле земляного очага, Есберген то и дело посматривал на лежащую коновязь и тяжело вздыхал.

Кожык решил поднять ему настроение и попросил умоляюще:

– Ага, поиграй на сыбызгы¹⁰.

– Принеси.

Кожык вошел в домик и принес висевшую на стене сыбызгы. Потом налил полную чашу воды, поставил перед Есбергеном и прилег набок рядышком.

– Начни, ага, с «Тоскующего по родине Сарыатана».

У Есбергена потеплело на душе. «Бедняга, тоже скучает по Газизе», – подумал он. Хотя и не родная она ему, но стала почти родной, как же забыть? Газиза очень любила слушать игру на свирели. Сама не просила поиграть, но стоило ему взять в руки сыбызгы, как брала мелкое рукоделие и присаживалась рядом. Могло показаться, будто она сосредоточена на своем деле, но Есберген чувствовал, что жена вслушивается в звуки свирели. Улучив момент, Газиза говорила: «Была же у тебя одна мелодия, “Сарыатан”...» «Не “Сарыатан”, а “Тоскующий по родине

⁸ Байбише – здесь: почтительное обращение к хозяйке дома.

⁹ Мойылдысай – ущелье или долина реки, поросшие черемухой.

¹⁰ Сыбызгы – деревянная или тростниковая дудочка, свирель.

Сарыатан»», – поправлял ее Кожык со знанием дела. «Да как бы ни называлась, а всё одно – хорошая вещь», – роняла Газиза, не отвлекаясь от работы... Господи! Да просто то, что она сидела около него, было бесконечно дорого! А что Кожык скучает по ней, так она того стояла... Газиза... Теперь ее нет. Ушла навеки. Ровно сорок дней назад отправилась к единственному сыну, о котором целый год горевала и проливала слезы. Лишь виднеющийся издали черный камень на ее могиле жжет болью сердце...

Есберген налил из чаши воды в верхнее отверстие свирели, пару раз продул ее. И только после этого заиграл, закрывая поочередно пальцами дырочки. Печальные поначалу, низкие звуки постепенно превратились в ритмичную красивую мелодию, точно, подрагивая сережками, закачалась на ветру береза. Околдованный мелодией Есберген стал отдаляться от этой безлюдной глухой обители, от мира, замершего в печальном безмолвии, и погрузился в полные грусти и очарования картины прошлого.

...Необъятная раздольная степь. На самом краю ее – широкий перевал. У подножия перевала – то ли озеро полноводное, то ли мираж. Круглой чашей висит в зените солнце. Между землей и небом колыхается знойный воздух. Об острые камни подошвы рассекая, горячими слезами глаза омывая, горячим ветром лоб опалая, с пересохшим от жажды горлом несется Сарыатан. Горбы его повисли, в горле застрял ком. Нескончаема эта бескрайняя степь, недостижим этот широкий перевал. Расплывается в глазах и убегает от него то, к чему он стремится... Или это не перевал, а шайтан, не перевал, а мираж? Пусть это будет шайтан, пусть будет марево, он не успокоится, пока не достигнет того перевала. Развеивается от стремительного бега его ость, мотается из стороны в сторону на длинной шее его сухая голова. Это не верблюдица, ревушая в тоске по потерянному верблюжонку, это не бура¹¹, разъярившийся в поисках самки. Нет хозяина, чьи побои разъедали б его соленые ляжки, нет седла, которое тяжким грузом давило б ему спину. И через это он прошел в свое время, и этому он покорился... Покориться – одно, но свыкнуться – гораздо труднее. Не сумел свыкнуться с чужбиной, куда еще годовалым верблюжонком ступил, Сарыатан. Райской землей, где ростом с верблюда жантак¹², ростом с человека – полынь, райской землей, где вдоволь воды и девственна природа, пренебрег Сарыатан. Потому что колючка, которую он жевал верблюжонком, была другой. Потому что вода из лужи, к которой припадал, была иной. Тоскует по той луже мучимый жаждой Сарыатан. В мечтах его – широкая степь, перед глазами – широкий перевал. Там, за перевалом, раскинулась страна его детства. Издавая протяжный рев и предаваясь неизбывной сердечной тоске, бежит Сарыатан в поисках страны своего детства... Дрожат его ноги, сотрясаются его горбы. Развеивается его ость, колыхается его хребет. Вот он, мчится во весь опор, Сарыатан...

Свирель издала плачущие звуки и умолкла. Есберген глубоко вздохнул.

– Ох, брэнная жизнь! – проговорил он и взял черную табакерку.

Солнце, краснея, опускалось за кладбищем, где покоилась Газиза.

– Ага, будем кушать мясо? – спросил Кожык.

– Зачем спрашиваешь? Положи в блюдо, принеси и поставь, – сказал Есберген.

¹¹ Бура – верблюдо-производитель.

¹² Жантак – верблюжья колючка.

«Да что ты знаешь, кроме еды?» – эти слова застряли в горле, не произнес он их. Парню ведь тоже несладко приходилось. Все мелкие домашние заботы легли на его плечи. Иногда у него получалось, в другой раз – не очень, но все же Кожык старался сгладить отсутствие женщины в доме.

На вытопанной земле подле земляного очага был постелен дастархан. На когда-то белой, а теперь в масляных пятнах скатерти появилось исходящее паром блюдо с мясом, две чашки, две ложки. Вся посуда была деревянная, с зазубринами по краям. Газиза, да упокоится ее душа, не придавала значения имуществу, довольствовалась тем, что есть. Всю утварь в дом находил и приносил Есберген. А доставал он все это в нижнем ауле, где жили уйгуры и дунгане... После кончины жены он там бывал всего пару раз. Да и то не собирался, но закончился насвай, потом пришел черед чая.

– Завтра поутру и двинемся, да, ага? – спросил Кожык, отхлебывая из чашки мясного навара.

– Если Богу будет угодно.

– Бога будем ждать, что ли? Давайте уже поедем.

– Цыц! Не богохульствуй! Говори не дерьмовые слова, а дельные!

Кожык испуганно умолк. Потом пробормотал под нос:

– Я это... просто хотел сказать: «если хочешь лететь, лети», как говорится...

– Полетишь еще, помчишься. Только вот там, где приземлиться собираешься, кто-нибудь ждет тебя с распростертыми объятиями? Ты на меня опираешься, ну а мне на кого опереться? Да, это моя родина, но кто там остался из родных? Думаю, что после лихолетья из тех, кто меня знал, не многих найду сейчас. Да и те, немногие, вряд ли будут вопить от радости: «Ойбай, Есберген приехал!» и бросать в небо малахаи. В первый день встретят со словами: «Из Китая вернулся», на другой день скажут: «Китай приехал». Будем живы – и с этим свыкнемся.

Кожык хмуро уставился в землю. Толстая шея его согнулась, словно силы оставили его.

– В таком случае зачем нам остужать насиженное место? Может, здесь останемся, ага?

Есберген усмехнулся. Конечно, Кожыку все равно, где жить. Лишь бы быть рядом с ним. Парень знает, что подле него он никогда не будет голоден. Какие у него заботы-печали, у этого малого, кроме как о еде?

– Кожык, – сказал Есберген, желая проверить парня, – я собираюсь туда, потому что там есть отцово дело, там осталась материна родня. А ты? Все твои предки, начиная с пращура – батыра Кокена и кончая отцом – серэ¹³ Сейдали, все лежат в старом кургане вон на том гребне гор. Эту гору называют Кокентау, а речку у ее подножия – Кокенбулак. Всё это – места, где твои предки забивали колья, привязывали коней. Как тебе не жаль оставить их? Почему бы тебе не остаться? Ружье, капкан, всё необходимое я тебе дам. Как-нибудь проживешь...

– Нет-нет, не останусь, ага! – Кожык вскочил, как ужаленный. – Только ты знаешь, что эти места принадлежали Кокену. Разве по сей день люди не называют их «Кокентау, где пасутся свиньи Метрея»? А потом, разве это не те места, где китайцы бродят толпами и охотятся на лягушек и раков? Возможно, правда, что предок мой Кокен был батыром, а отец Сейдали был серэ, но что мне осталось от

¹³ Серэ – степные рыцари, музыканты и певцы, щеголи и франты.

них, кроме слова «потомок»? «Живая мышь дороже мертвого льва», говорят. Ты, ага, мне дороже древнего батыра и вчерашнего акына. Ты теперь мне и предок, и отец, ага. Поэтому, если хочешь меня бросить тут, лучше убей, а если не хочешь оставлять – забери с собой.

Есберген с удивлением посмотрел на юношу. И в самом деле, он не ожидал услышать такие разумные слова от человека, которого иногда считал недоумком. К тому же они и душу его согрели. В последнее время охотник чувствовал себя сиротливо, и Кожык сейчас сумел смягчить ему сердце. Есбергену захотелось обнять его, понюхать в лоб, поделиться наболевшим, всеми своими бедами и печалью, что переполняли его до краев. Но именно в тот миг, когда он готов был сделать это, Кожык вдруг снова низко повесил голову, боясь посмотреть прямо, и принял свое обычное выражение несчастного горемыки.

– Наверное, тень моя дороже тебя! – воскликнул Есберген, вскочил и пошел прочь.

Он и сам не понял, как эти слова сорвались с языка. Лишь позже, когда Кожык, волоча ноги, вошел в лачугу и, как подрубленный, рухнул, едва дойдя до своего ложа, Есберген понял, что задел самое уязвимое его место.

– Ну, и что случилось? Бес тебя одолел, что ли?! – спросил он, рассердившись.

Тот промолчал.

– Эй, что с тобой, говорю? Почему молчишь?!

Кожык опять ничего не ответил, только тяжело вздохнул. И тут Есберген окончательно убедился в том, что его неосторожные слова дубинкой прошли по парню. До самой глубокой ночи он не смог сомкнуть глаз. Кожык тоже ворочался с боку на бок. Раскаяние огнем жгло Есбергена: «Откуда эти слова попали мне на язык?!» Потом он пытался успокоить себя: «Да ладно, сказал и сказал, чего теперь мучиться!» Но нет покоя, сказанное без конца звучит в ушах: «Наверное, тень моя дороже тебя...» Он плотно закрывал уши ладонями. Нет, все равно ясно слышались... Его собственные слова. Его собственный голос. «Наверное, тень моя дороже тебя... Наверное, тень моя дороже тебя...»

– Кожык! – не выдержал Есберген наконец. – Ты не спишь?

В ответ опять молчание.

– Эй, потомок батыра!.. Что с тобой? Ты жив? – спросил он, слегка повышая голос.

Тот вместо ответа с шумом перевернулся на другой бок и накрыл голову старой шубой, которая служила ему подушкой, мол, слышать тебя не желаю. Обескураженный Есберген не стал больше его тревожить и предался своим мыслям.

И не было у этих мыслей ни начала, ни конца. Перед глазами проносились одно за другим видения. Длинная их цепочка, двигаясь по узкой тропе прошедших дней, наконец дошла до образа старика Аксопы, и зримо, объемно встал он перед Есбергеном.

...Это было пятнадцать лет назад, поздней осенью. Прохладным вечером Есберген вернулся с охоты в горах с богатой добычей – с «кровавыми тороками», как говорят в народе. Разве думал он, что увидит в тот вечер старика Аксопы в своем доме?

Есберген издали узнал странника, который стоял у его дома и смотрел на дорогу. Полы его светлого чапана касались земли, серебристая борода струилась

по груди, одной рукой он прикрывал лицо от лучей заходящего солнца, в другой – сжимал свой асатаяк¹⁴. Есберген почувствовал, как теплая волна прокатилась по всему телу. «Снова ты здесь? Пришел, драгоценный мой друг, пришел!» – подумал он радостно. Аксопы нет-нет да навевался в какой-нибудь из редких, разбросанных вокруг Кокентауских гор домиков. И каждое его посещение расценивалось, как благословенное появление самого Кыдыра¹⁵. Аксопы никогда не задерживался подолгу в гостях: переночует одну ночь и улетит, как перелетная птица, до следующей весны или осени.

Никто не ведал, где он пропадает зимой и летом, да никто и не спрашивал. Старик не просил подаяния и не жил за счет других, как прочие бедолаги. Всегда одетый в опрятную добротную одежду, в бодром расположении духа, с чистыми помыслами, он светился благодарностью и довольством. Под долгополым чапаном Аксопы носил перекинутую через плечо торбу, в которой обычно позвякивали монеты, лежала завернутая в тряпицу горстка бобов для гадания, высушенные корни, стебли и листья различных трав. Если попросишь – погадает на бобах. А вот пощупать пульс на руках и шее – это он делал и без просьбы. Войдя в дом и расположившись удобно, он тут же принимался за дело. Удивительным было то, что, внимательно прощупывая длинными пальцами вены, он находил все болезни, которые гнездились в разных частях тела. Мало того, старик подробно и с усердием объяснял, от какой болезни какой травой надо лечиться. Ах, дорогой Ака¹⁶! Есберген почел за благой знак, что странник вышел навстречу именно тогда, когда он возвращался с богатым трофеем. Едва спешившись, охотник бросился к гостю с объятиями.

– Ака, сегодня я впервые застрелил дичь, которая раньше мне не попадалась. Я даже не знаю сам, что это за зверь, но кто он ни был, я привязываю его к вашим торокам¹⁷! – сказал он радостно.

– С удачной охотой! Однако, думаешь, у меня есть силы, чтобы таскать твою дичь? Пусть название ее будет моим, а сама она – твоей, – ответил старик.

Есберген принес красно-пестрый мешок, отвязав его от седла, вынул тушу животного ярко-бурой масти, похожего на маленькую косулю, и бросил к ногам старика.

– О, всемогущий Господь! – воскликнул Аксопы. – Это же кабарга!

– Что вы говорите? И вправду кабарга, что ли? – теперь и сам Есберген уставился пораженно на свою добычу.

– Она самая. Еще мальчишкой я видел ее в руках Кокен-батыра, нынче вот во второй раз вижу. Я-то думал, что она в этих краях начисто исчезла, а видишь, оказывается, нет... Как же она тебе попала?

– Застал врасплох, выстрелил прямо в лоб, – сказал Есберген, посмеиваясь, не считая нужным описывать все подробности охоты. – А что, это, случайно, не священное животное?

– Разве есть на свете не священная тварь, дорогой мой? Но парнокопытные – особый случай. Среди них сильное проклятие бывает от тех, кто носит в утробе приплод. Лишь бы такой грех не навлек на себя.

¹⁴ Асатаяк – посох с погрешками, которым пользовались шаманы – баксы.

¹⁵ Кыдыр – святой, покровитель путников.

¹⁶ Ака – почтительное производное от имени Аксопы.

¹⁷ По древнему обычаю охотники делились добычей с тем, кого первым встретят на пути.

– Откуда нам знать, Ака, беременная или порожняя тварь, когда целишься в нее издалека? Говорим: да простит Господь, и идем дальше.

– Знаешь – не знаешь, дорогой, а вот просить прощения у Бога, когда только согрешил, – тоже грех. Человек должен сначала искупить грех, а затем молить Господа о прощении.

– Ака, а как его искупить?

– Перво-наперво ты должен знать, что это за грех. После этого надо признать свой грех. И потом, если будешь смывать сотворенное зло – добрым делом, проступок – благодеянием, нанесенный вред или обиду – милосердием, разве останутся в мире несмытые грехи? А в жизни разве бывают безгрешные смертные? И я когда-то грешил. В молодости был аткаминером¹⁸, участвовал в управлении народом. Ради собственной выгоды немало простого люда довел до слез. Кого-то притеснил, кого-то словом оскорбил. А теперь вот и зимою, и летом странствую. Окажу кому-нибудь посильную помощь – и как будто полегчает. Одним словом, хотел бы пред Господом предстать чистым, – проговорил Ака и замолчал на некоторое время. Потом поднял распластанную под ногами тушу за заднюю ногу, сунул руку в пах и прошелся в области мошонки. – Понюхай, что чувствуешь? – спросил он, протягивая руку к носу Есбергена.

От кончиков пальцев исходил необычный приятный запах, неизвестный ему доселе.

– Вот диво! – произнес Есберген изумленно. – Пусть я стану курносым, если когда-либо раньше встречался с таким запахом!

– Вот в этом и состоит могущество кабарги. Я слышал, что всюду, где проходят эти необыкновенные звери, в местах, где они мочатся, остается такой чудесный дух¹⁹... Китайцы по сей день приравнивают к золоту их детородные части. Поскольку тому, который потерял мужскую силу, нет лучше лекарства, – сказал Аксопы.

– Отдаю их вам, Ака, – лукаво произнес Есберген.

– Дорогой мой, я давно отошел от мирских радостей. Если хочешь отдать, то отдай тому, кто на самом деле сильно нуждается в них. Это Метрей, что живет по ту сторону Кокентау. Ему не задаром отдашь, а возьмешь сокровище дороже золота.

– Интересно. А зачем это Метрею?

Во вдохновенно горевших глазах старика мелькнул веселый лучик.

– Дитя ему нужно, понял?.. Ребенок...

В это время дверь лачуги со скрипом открылась и показалась повязанная белым платком голова Газизы.

– Я накрыла дастархан... Остынет... – вежливо, как обычно, сказала она.

Когда дверь снова закрылась, старик спросил шепотом:

– Я вижу, у тебя вроде детей нет, а?

– Даст Бог, будут... Еще не совсем старые мы.

– В общем... твоей вины здесь нет?

– Нет! – ответил Есберген. – По этой части пока все в порядке... Ну, давайте в дом войдем, Ака.

– Э, ладно. Остальное скажу за столом.

¹⁸ Аткаминер – знатный человек, имеющий вес в обществе.

¹⁹ Мускусный запах, вырабатываемый железами кабарги.

На первый взгляд старик Аксопы казался обычным странствующим дервишем, знахарем. Однако во всем его облике сквозило величие и благородство. Спокойный нрав, веские слова, достоинство в манерах и движениях, приятная внешность – все это было дано ему от рождения.

В памяти Есбергена особенно ярко запечатлелся образ Ака в тот далекий день. Он сидел по-восточному, собрав под себя ноги, в накинута на плечи чапане и, поглаживая серебристую бороду, неспешно вел беседу.

– Я знаю Метрея с начала двадцатых годов, – сказал Ака, попивая чай. – Когда он впервые появился в этих краях, то был молодым мужчиной, едва переступившим порог тридцатилетия. Видимо, бежал сюда, когда в советской стороне началась конфискация имущества богачей и кулаков. И вот, когда я повстречал Метрея, у него за душой не было ничего, кроме двух рыжих лошадей и дородной рыжей жены Марпы²⁰. А теперь посмотри: нет в наших краях такого зажиточного и крепко стоящего на земле человека, как он. И владелец целой горы – тоже Метрей. И он же отгородил себе все самые лучшие, плодородные ущелья и лощины с сочной травой. За изгородью у него гуляют маралы. Подле дома с хрюканьем ходят свиньи. Самые резвые кони и самые молочные коровы – также в руках Метрея. А какой у него сосновый сруб, зайдешь – выходить не захочешь! Вот таким должен быть умный, предприимчивый человек, который думает о завтрашнем дне... Теперь вы спросите, как же он остался в нашей стороне? – и старик, приподняв густые, с проседью, брови, вопросительно оглядел Есбергена с женой. – Вы знали Сейдали, который работал баграком у Метрея?

– Знали, – ответил Есберген, вспомнив, что был на похоронах Сейдали три-четыре года назад.

– А, вот как. Значит, он был знаком вам и раньше.

– Знакомы-то были, но тесно не общались. Вы же знаете, мы сюда приехали позже. Так что не знаем толком о его прежней жизни. Он захаживал к нам иногда. Высокого был роста, с лошадиной челюстью, худой. Помню, что постоянно песни себе под нос напевал.

– Вот эти песни и довели его да гибели, – печально вздохнул Аксопы. – Вы его видели, когда он уже совсем опустился, потерял себя. В былые времена в этих краях не было смертного, который бы не знал Сейдали, который бы не обожал его безмерно. Народ любил и возносил его не за доставшееся от отца богатство, а за полученный от Бога дар. Однако и богатство, и талант остаются у того, кто удержать их может. Сейдали оказался не из таких.

По молодости он из месяца в месяц, из года в год гулял по аулам, распевал песни и предавался утехам и забавам. Где сборище народа, где праздник – там и Сейдали. Где б он ни появлялся, публика встречала его с восторгом. А, что и говорить, был всем певцам певец! Он возвышал свой ясный красивый голос словно до небесных высот, и казалось, что летящая птица, дующий ветер, бегущая река – все на миг останавливалось и замирало... Что и говорить, такое искусство бывает одно на тысячи... Но кто мог знать в то время, что этот дар был дан ему не на счастье, а на беду?

Когда Сейдали перевалило за сорок, огонь его удалства угас, интерес к утехам пропал. Утих задор вчерашних двадцати пяти, ушла горячка тридцати, наступила пора подумать о домашнем быте и хозяйстве. Да не тут-то было!

²⁰ Марпа – искаженное имя Марфа.

Все богатство, доставшееся от отца, он давно уже промотал. Не осталось у него ни от коня гривы, ни от коровы рога. Там, где сейчас находятся владения Метрея, была старая зимовка Кокен-батыра, вокруг нее ютились четыре-пять бедняцких халуп. Пока Сейдали вел праздный образ жизни, все они обветшали и прохудились. И надо же было такому случиться, что именно в это время ему повстречался Метрей. Русский хитрец кружил вокруг Сейдали и так, и эдак, угождал льстивыми речами, и в конце концов гора с предгорьями и ущельями многие годы служившая благодатной землей, священной родиной для целого клана, в одночасье перешла в полное его владение. И что, вы думаете, получил Сейдали взамен целой горы? Горстку целковых и десяток собольих шкур! Знаете ли вы, что такое «целковый»?

– Это же слитки из чистого золота? – спросил с интересом слушавший Есберген.

– Да, золотые деньги. На один целковый можно купить несколько лошадей. – продолжал старик Аксопы. – Словом, взял Сейдали эти деньги, десять собольих шкур и подался в другие края. В следующем году он вернулся к Метрею с молодой женушкой, гоня перед собой косяк лошадей. Сейдали нацеливался на старое становище отца, намереваясь провести там остаток жизни.

– Если тебе нужна твоя зимовка, можешь унести ее с моей земли, – заявил Метрей. – Ну а унести не сможешь – оставайся тут жить, но паси мой скот, работай по хозяйству.

Сейдали пришлось принять последнее условие разбогатевшего пришельца. Вот так он надел на себя хомут батрачества. Так его наказали дух родной земли, духи предков. Не буду вдаваться в подробности его жизни в батраках, она всем и так известна. Я о другом хочу сказать. И вся соль моего долгого рассказа заключается в этом. Короче говоря, хочу вас кое о чем попросить... – и старик испытующе посмотрел на своих слушателей.

– Говорите. Мы готовы для вас на все, – сказал Есберген.

– Мы внимательно слушаем вас, – добавила учтиво Газиза.

– Ну тогда слушайте... За год до вашего прихода сюда жена Сейдали несла воду из речки, оступилась, упала и умерла. После нее остался годовалый ребенок. Когда ему едва исполнилось семь лет, покинул этот мир и Сейдали. Единственный отпрыск рода перешел в руки иноверца. Тот несчастный мальчик по имени Кожык и по сей день там, пасет свиней Метрея. И если мы не заберем его к себе, какие мы казахи, какие мусульмане? Я замечаю, вы тоже тоскуете по детскому духу. Когда опустится на вас милость божья, дождетесь чада. А пока... думаю, вам следует этого сиротинушку пригреть...

Газиза утерла глаза кончиком платка.

– Я не против, Ака, – сказал Есберген, немного подумав. – Но... разве Метрей отдаст мальчишку, который ходит у него в помощниках? – добавил он с сомнением в голосе.

– Я берусь уладить это дело. И до этого пару раз я просил у него Кожыка. Тогда он отказал мне. Но теперь уверен, что отдаст, потому как у нас в руках предмет его крайней нужды. Это – детородные части вот той кабарги. Сейчас поймешь, зачем они нужны Метрею. После Марпы он взял себе молодую жену. Она тоже человек. И они вдвоем, как подобает супругам, хотя бы познавать постельные улады. То, что детородный член кабарги дороже золота, – чистая правда... Но

что может быть дороже самого человека в этом бренном мире? С добрыми намерениями, по благому обычаю усыновите Кожыка. Смотришь, следом за ним к вам пожалует и ваше родное дитя.

На этом разговор был закончен. На другой день Есберген пошел с Аксопы к Метрею и забрал Кожыка к себе. Слава Богу, кончилось дело благом. Как и сказал Ака, нога Кожыка оказалась легкой: он привел в их дом спутника-мальчонку – спустя год разменявший пятый десяток Есберген стал отцом. Осуществилась наконец, давняя мечта, и неказистый домик наполнился радостью. Теперь всё внимание, все заботы перекинулись на новорожденного сына, и Кожык постепенно начал отходить на обочину их жизни. Пока Есберген и Газиза, припав с обеих сторон к ивовой колыбели, сходили с ума, улюлюкая над своим младенцем, приемыш, насупившись, молча сидел в уголке. Наверное, именно в такие мгновения Кожык остро чувствовал, что в этот дом он попал случайно, что он – чужак из другого чрева. А что может быть горше кручины, когда, живя под одной крышей, кушая из одного котла, чувствуешь себя посторонним? Разумеется, впервые свое сиротство он ощутил у Метрея. Но, как говорится, «ягненок-сиротка матку поищет-поищет, потом отвернется и начнет щипать травку». Так и он, свyksя там, зная свое батрачье место. Однако и здесь мальчик не сразу освоился, ибо давным-давно в нем остыли детская беспечность и игривость. Разве Есберген не знал об этом? Конечно, знал. Однако не сделал никаких попыток, чтобы согреть сиротское сердце, раздуть в нем погасший огонь. Попробовал хотя бы раз погладить мальчика по голове, понюхать в лоб? Нет. Тот только и слышал: «Эй, Кожык, эх, недотепа!» Выросший в таких условиях парень стал обидчивым безвольным размазней, который не осмеливается никому высказать в лицо, что думает. А как же иначе? И какое же Есберген имеет право укорять и обвинять его? Да, во всем виноват он сам. И даже если оставить всё в стороне, как может Кожык простить слова: «Моя тень дороже тебя»?.. Эх незадача, как же они слетели с языка?! Что тут подделаешь, нечаянно вырвались, теперь вот остается кусать локти...

Плутая в путанице старых воспоминаний, Есберген только под утро сомкнул веки...

– Поехали, ага? – позвал Кожык, приведя оседланного Каражала.

– Поехали, потомок батыра. Пусть Господь направит нас на верный путь! – ответил Есберген, бодро вставая с места.

Он перекинул пестрый коржун через заднюю луку седла и ловко вскочил на коня.

– Шуу, животное! – сказал, направляя Каражала в сторону перевала, что высился далеко впереди.

– Шуу! – вторил ему Кожык, сидевший на Куренкаска без седла, и обе лошади рысью тронулись с места.

* * *

...Необъятная раздольная степь. На самом краю ее – широкий перевал. У подножия перевала – то ли озеро полноводное, то ли мираж. Круглой чашей висит в зените солнце. Между землей и небом колышется знойный воздух. Об острые камни подошвы рассекая, горячими слезами глаза омывая, горячим ветром лоб опалая, с пересохшим от жажды горлом несется Сарыатан. Нескончаема эта бес-

крайняя степь, недостижим этот широкий перевал. Там, за перевалом, раскинулась страна его детства. Издавая протяжный рев и предаваясь неизбывной сердечной тоске, бежит Сарыатан в поисках страны своего детства...

– Ох, брэнная жизнь!

Есберген вздохнул полной грудью, когда копыта коня ступили на перевал. Ветер дул прямо в лицо. Легкие сразу расширились, наполняясь воздухом. Осталась позади недавняя тесная тропа, что вела их в гору, осталось в прошлом каменистое ущелье. А впереди теперь – широкая низменность, похожая на исполинское блюдо. Уходит равнина до самого горизонта и упирается в горы Когильдир. Те самые, что многие годы не покидали его ни днем, ни ночью, снедая мысли и внедряясь в сны. Утомляя себя и коня, он, бывало, взбирался на перевал и, окинув далекие горы тоскующим взглядом, возвращался обратно. Вереницами тянулись перед ним вершины, подернутые дымкой. Ах, родимые! Там, за горами Когильдир, – его родная земля, благодатный родной очаг. Бурливая Бухтарма, серебристо звенящая Актума, поросшая густым лесом сопка Майшоки, в сторонке от других возвышающаяся каменистая вершина Тасшоки – все-все они там, на его священной отчизне. Господи, неужели наступил день, когда он может снова вернуться туда?!

– Прощай, Кокентау! – сказал Есберген, бросая последний взгляд назад.

– Прощай! – вторил ему Кожык, прищпоривая коня.

* * *

Расходящаяся на тропы узкая дорога, словно дразня их, как молодая кокетка, увлекает за собой. Она то резко спускается вниз по склону, то устремляется вверх. Прищпоривая коня, желанную цель торопя, едут без передыху Есберген и Кожык. Солнце за каменистый гребень скатилось. Тени заметно удлиннились. Ни дуновения ветра, ни постороннего звука, только дробный топот копыт. Бело-сивый, с куланьим норовом Каражал идет впереди, не давая догнать себя низкорослому Куренкаска, на какой бы ход тот ни переходил.

– Кожы-ык! – зовет Есберген, время от времени оглядываясь назад. – Ты есть?

– Да е-есть я! – отвечает Кожык, прищпоривая коня и на короткий миг оказываясь рядом. Ноги его болтаются, свисая с неоседланной лошади.

– Э, ну ладно, лишь бы ты был, потомок батыра...

И опять забывает про Кожыка. Не потому, что хочет забыть. Вытесняющие одна другую мысли мечутся по закоулкам прошлого, пытаются угадать неуловимое будущее – уводят прочь от действительности. Сердце его волнуется отчего-то, жаждет чего-то. Но чего же? Душа мечется в поисках кого-то. Но кого? Вот уже двадцать четыре года, как покинул он соплеменников, оставил сородичей. За двадцать четыре года поменялось целое поколение. Молодежь пришла на смену старикам. Кто там остался из старожилков, жив ли кто-нибудь из родных? Если даже живы, узнают ли Есбергена? О, Всемогущий, какая же сила заставила его, как Сарыатана, мчаться туда, где нет помеченного им места, нет тоскующей по нему родни? Что это за таинственный зов, подчинивший все чувства, принудивший вожделью далекой мечты, когда виски и бороду уж тронула седина? Есберген уже давно догадывался, что это болезнь какая-то одолевает его, вызывает в сознании маету, в душе томление...

А в прошлом году умер их единственный сын. Эта смерть разбила ему сердце... И правда, Есберген и сам словно умер. День его стал безрадостным, а ночь – бессонной. Поползли месяцы, когда он ночью не мог до зари сомкнуть глаз, а днем до зари не мог улыбнуться. Ранним утром, перекинув ружье через плечо, он молча выезжал из дому якобы на охоту, а сам держал путь к месту последнего упокоения сына. Приехав на кладбище, Есберген накидывал поводья Каражала на луку, садился возле свеженасыпанного бугорка и до самого полудня просиживал, глядя могилу руками и погружаясь в скорбь. Ни одно слово не вылетало из его уст, ни одна слезинка не падала из его глаз. Как серый могильный камень, как песчано-глинистая насыпь, замирал Есберген. В какой-то миг глаза его подергивались слезами, и он смотрел на гору Кокентау, безмолвным истуканом возвышающуюся перед ним...

Начиная с самого подножия и до самой вершины Кокентау была покрыта густым лесом. Кудрявые кустарники там перемежались со стройными соснами. Да и других деревьев было превеликое множество. Однако Господь лишил эту гору черемухи. Хоть бы одно дерево! Нет, даже не дерево целиком – Есбергену нужен был лишь кусок коры. Он истово верил в могучую силу черемуховой коры, которая должна была исцелить его сына от навалившейся болезни. Потому и искал ее всюду, не зная устали...

– О, брэнная жизнь! – воскликнул Есберген, поднявшись на очередную возвышенность и оглядываясь назад. – Кожык, где ты там?

– Здесь я, – послышался хрипловатый усталый голос парня, отдаленный расстоянием.

Долгая езда ли охлябью натирала ему внутреннюю сторону бедер, или устал от дальней дороги, но чувствовалось, что немоготу Кожыку следовать за своим спутником.

– Лишь бы ты был, потомок батыра... – проговорил Есберген и опять отдался во власть длинного пути и столь же длинной череды мыслей.

...Да, тогда он, не слезая с коня, без привала и отдыха, обливаясь горькими слезами, все шесть дней искал черемуховую кору. Не осталось в округе места, где бы он ни побывал, не осталось горы, на которую бы он ни ступил. В страстной надежде пядь за пядью он прочесал каждую лощину и ущелье, все прибрежные заросли у реки. Но не мог найти того, что искал. А перед глазами его неотступно стоял образ сына, из которого всё съеденное вытекало, словно вода; не по дням, а по часам чахнул он, увядая, как молодая камышовая поросль, усыхая, как стрекоза. И одним ласковым весенним утром, когда первые лучи солнца только-только показались из-за гор... дыхание его единственного чада прервалось навеки.

С тех пор Есберген охладел к этому краю. С тех пор стал похож на полоумного. «Ах, черемуха! Ах, кусочек черемуховой коры!» – бормотал он, как в те дни, когда бродил по горам и ущельям. Будто слова эти навсегда впечатались в мозг, горящий от отчаяния. Слово «черемуха» то и дело цеплялось на язык, и повсюду мерещились черемушники. Потом слова эти начали увлекать Есбергена в дни молодости, на берега Бухтармы, к Мойылдысаю. Но... даже одна мысль о тех местах пугала его. Как только подумает, перед глазами встают ужасные видения, а по телу пробегают мурашки. Страшные то были картины... В каждом доме – голодный ребенок, едва открывающий глаза... Рядом с детишками – матери, бредящие о маковой росинке, о пицци крупинке... На улице – шатаю-

щиеся от слабости отцы, гоняющиеся за кошками и собаками... По обочинам дорог вповалку – опухшие и почерневшие от голода люди... Жалобные голоса... Неумолчный стон... Мрачные, пугающие видения не раз вырывали Есбергена из сна посреди ночи. Со временем они начали тускнеть, вместо них появлялись другие – прекрасные и согревающие сердце. Но и тогда он видел все тот же Мойылдысай... Скромная девушка с черными, как ягоды черемухи, глазами, красиво изогнувшись, несет воду из Мойылдысай... Смущенный молодой джигит, ожидающий ее, спрятавшись в зарослях черемухи. Звон ручья, бегущего по камням... Стук молодого сердца...

– О, бренный мир!

Знал ли тогда Есберген, что эта девушка с черемуховыми глазами станет его суженой? Нет, не знал, не ведал. Судьба свела их еще раз в лихие годы и, соединив навеки, отправила в чужие края. Удивительными были тот вечер, та ночь...

Это произошло, когда голод погнал вконец ослабевших людей за перевал. Рано потерявший родителей Есберген тоже собрался следовать за народом в далекие края. Была только одна живая душа в Мойылдысае, которая еще держала его здесь, – скромная черноглазая девушка, чье сердце билось созвучно с его сердцем. Перед отъездом он решил напоследок увидеть ее и вечером завернул к Мойылдысаю. В ста шагах от одинокого домика, в зарослях черемухи под крутым обрывом спрятал своего каракового пятилетку и стал ждать. Долго пришлось ему томиться. Обычно девушка ближе к вечеру выходила к ручью за водой. А если не шла по воду, то хлопотала во дворе, одетая в голубое платье. В этот раз – никого. Тишина. За полчаса дверь низенького домика ни разу не открылась. Он, конечно, мог бы и сам зайти, но побаивался старика. Несмотря на свой маленький рост, тот был крикливым и суровым человеком, пусть земля будет ему пухом.

Вот уже ступили сумерки, наступила темная ночь. А потом... в одиноком окошке мелькнул слабый свет, и утомленный ожиданием Есберген бросился к лачуге. Вошел... Скрючившись, лежал там старик. Рядом, освещенная слабым светом фитильной лампы, сидела в глубокой печали скромная девушка с черемуховыми глазами. Черные длинные волосы растрепались и упали на лицо.

– Кто-о? – простонал старик.

– Есберген, – ответила девушка, едва слышно.

– А-а, это тот молодой охотник? – протянул старик, заикаясь. – Подними мне голову, жеребенок мой.

Девушка встала было с места, но тут же упала. Есберген подскочил к ней и, поддерживая, помог снова сесть. Потом усадил старика, заботливо подложив ему за спину пару подушек.

– Голо-одные мы совсем, сынок... Уже пять дней, как маковой росинки во рту не было, – сказал старик и беззвучно заплакал. – Ладно я, но вот дитя мое может умереть с голоду...

Есберген пулей вылетел из домика и принес одну из двух уток, которых подстрелил днем. Быстро разжег огонь под казаном.

Утиное мясо скоро сварилось. Сначала он из ложки напоил горячим бульоном старика и девушку. И только потом стал нарезать мягкую мякоть и по кусочку вкладывать поочередно им в рот. Вскоре они утолили голод, и силы начали возвращаться к ним.

– Сынок, – обратился к Есбергену старик, распрямляя спину, – говорят, «неумершим мертвая рыба». Тебя нам Бог послал, желая оставить в живых. Говорю – нам, но речь не обо мне, я-то свое пожил, от жизни все получил, а вот ей, твоей ровне, тяжело... Того утиноного мяса, что осталось, хватит лишь на полдня... Мне уж суждено умереть, а ты спаси свою сверстницу. По вечерам я видел за домом твою лошадь. Понятно, сынок, не зря ты приезжал... Дело молодое, тут нечего стыдиться. А теперь уезжайте вдвоем. У тебя есть ружье, хоть воробьев настреляешь, а с голоду не помрете.

– Ага, я собираюсь перейти границу, – робко произнес Есберген.

– И что, там, за границей, кто-то тебе сказал, чтоб ты один приезжал? – возразил старик.

– Нет-нет! Просто... думал, вдруг ей самой будет трудно... Заберу ее с собой, ага, заберу... – засуетился Есберген, не в силах скрыть радость.

– Ну, тогда... Пусть Господь направит вас по верному пути. Аумин! – благословил старик, проводя ладонями по лицу...

Что ж, скромная девушка с черемуховыми глазами, которая после полудня того дня отправилась с ним в неизведанные края, и есть Газиза, обретшая теперь вечное пристанище в чужой земле.

– О, брeнная жизнь!

Да, она навеки осталась лежать на чужбине. А он вот, подобно Сарыатану, не сетя в поисках своего Майылдыса. В тоске по кому-то мчитя он. Перед глазами – скромная девушка с черемуховыми глазами. Или он ищет то, чего никогда не догонишь, чем никогда не овладеешь, – свою молодость? Кто знает...

– Ага-а! Ага-а, стой!..

Когда дорога уперлась в большое озеро у подножия горы Когильдир, сзади послышался отчаянный и жалобный крик Кожыка. Тот, оказывается, сильно отстал. Есберген приостановил коня и дождался его.

– Что случилось? Устал, потомок батыра?

Кожык прискакал галопом на взмыленном Куренкаске и, не отвечая, повалился вперед, обхватив шею лошади.

– Эй, что с тобой? Почему молчишь?

Парень поднял голову и взглянул робко, будто в чем-то провинился.

– Ага... Я вот думаю кое о чем... Давно уже еду и думаю... – проговорил он и опять умолк, словно стеснялся того, о чем хотел сообщить.

– Слезай с коня. Отдохнем немного, тогда и скажешь.

Они спешили, привязали коней калмыцким узлом и опустились на густой травяной ковер.

– Ага, я тут думаю кое о чем. Если скажу, не обидишься? – произнес Кожык, ковыряя землю.

– Говори. О чем же ты думаешь?

– Ага, а что, если... я вернусь обратно?

– Ты что говоришь?! Почему вернешься? – вскричал Есберген.

Кожык, хоть и ждал подобного ответа, но не настолько резкого.

– Об отце я подумал... За год до смерти он проиграл Метрею в карты свое отделанное серебром седло и лакированные сапоги. Потом сильно переживал. Надевая на ноги лапти, он сказал: «Лишился коня – стал пешим, лишился сапог – стал неуклюжим, лишился земли – стал непутевым. Видно, могила меня ис-

правит». Эти его слова пришли мне на ум, когда я ехал сегодня, натирая бедра и задницу. Утром, еще не успели выехать в путь, как седло мое сломалось. Это нехорошая примета, ага. И потом... если я покину землю предков, то, наверное, тоже буду непутевым. Если позволишь, я вернусь, ага...

Сидевший насупившись Есберген с изумлением посмотрел на Кожыка. Постепенно лицо его разгладилось, в круглых ястребиных глазах заиграли теплые лучики. Он притянул Кожыка за руку и заключил в крепкие объятия крупное коренастое тело.

– Дорогой мой сынок, – сказал растроганно. – Хоть и неродной ты мне, а стал родным, но не сумел я разглядеть жемчужину в твоём сердце, не сумел раскрыть твою душу. С самого начала только и делал, что гонял тебя. А сейчас увидел, что ты – последний отпрыск славного рода, истинный его наследник... Прости меня, сынок! Может быть, не только я виноват, но, прежде всего, отец твой... Продавшие землю, народ свой, будут ли они прощены в двух мирах?! Кокентау был благодатной землей для внуков и счастливой долей для правнуков... Нет, никто не унес Кокентау. Твоя звезда еще когда-нибудь возродится. Езжай, сынок, на родную землю, возвращайся, дорогой, на свой Кокентау! Я отпускаю тебя. Прощай!

Кожык вытер глаза рукавом и вскочил на Куренкаска.

И Есберген сел на Каражала и выпрямился, не скрывая залитых слезами глаз.

Один взял направление на Когильдир.

Другой повернул на Кокентау.

...Необъятная раздольная степь. На самом краю ее – широкий перевал. У подножия перевала – то ли озеро полноводное, то ли мираж. Круглой чашей висит в зените солнце. Между землей и небом колышется знойный воздух. Об острые камни подошвы рассекая, горючими слезами глаза омывая, горячим ветром лоб опалая, с пересохшим от жажды горлом несется Сарыатан. Нескончаема эта бескрайняя степь, недостижим этот широкий перевал. Там, за перевалом, раскинулась страна его детства. Издавая протяжный рев, предаваясь неизбежной сердечной тоске, бежит Сарыатан в поисках страны своего детства...

Перевод Раушан Байгужаевой

